

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

В. М. Алпатов

ЯПОНИСТИКА
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
СОЦИОЛИНГВИСТИКА
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

ББК 81
УДК 80/81
А 51

Алпатов В. М.

А 51 Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языко-
знания. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской
культуры, 2017. — 520 с. — (Studia Philologica.)

ISBN 978-5-94457-304-9

В данное издание включены работы лингвиста, члена-корреспондента РАН Владимира Михайловича Алпатова, написанные более чем за сорок лет. Они сгруппированы по основным темам его научной деятельности: это японский язык, теория языка, социоллингвистика, история науки. Книга рассчитана как на специалистов — лингвистов и востоковедов, так и на всех, кто интересуется многообразными проблемами, связанными с языком.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-94457-304-9

9 785944 573049 >

© В. М. Алпатов, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Японистика

Курс лекций «Лексикология японского языка»	13
О соотношении исконных и заимствованных элементов в системе японского языка	85
О показателях множественности и категории числа в современном японском языке	96
Что такое прилагательное в японском языке?	107
Статус основных форм существования в японском языке	114
Падежное варьирование в современном японском литературном языке. ...	125
Вариативность японского языка в связи с типами языкового существования	134
Нестандартные видовые категории в современном японском языке	141
О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции	147
Сасими или сашими?	156
Есть ли в японском языке падежи?	164

Теория языка

О разных значениях термина «факультативность»	171
О двух подходах к выделению основных единиц языка	177
К типологической характеристике айнского языка	186
Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» ...	193
О разных подходах к выделению частей речи	202
Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку	215
Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции	230
Прогностика и реконструкция	239
Структура устного и письменного текста	245
Проблема слова и психолингвистика	251

Социолингвистика

Литературный язык в России и Японии (опыт сопоставительного анализа).....	261
Норма языка в современной Японии	292
Американизация японского и русского общества по языковым данным. ...	304
Глобализация и развитие языков.....	314
К вопросу о языковых реформах.....	322
Массовое сознание и язык: Япония и Россия.	330
Стёб вчера и сегодня (размышления о статье Ю. Л. Воротникова)	346
К проблеме иерархии языков	353

История языкознания

О понятии слова в европейской и японской традициях	361
«Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика (к выходу в свет русских изданий)	369
Махмуд Кашгарский и кокугакуся	382
Предварительные итоги лингвистики XX века	390
Некоторые заметки по истории лингвистики	397
Компаративистика, ее критики и герои.	404
Исследователи фактов и создатели теорий	419
Откуда происходят основные понятия языкознания?.....	428
Лингвистическое описание и языковая компетенция лингвиста.....	440
Лингвистика вчера и сегодня. Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика».....	451
Особенности русской лингвистики	463
Два подхода к изучению языка	471
Литература	485
Summary	507

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге собраны мои работы более чем за сорок лет моей научной деятельности: с 1975 г. до настоящего времени. Публикуется оставшийся в полном варианте неизданным курс «Лексикология японского языка», трижды прочитанный в Дальневосточном государственном университете (Владивосток) в 1975, 1978 и 1983 гг. Этот курс ранее издавался лишь в сильно сокращенном виде в 1981 г. под названием «Методические указания по курсу “Лексикология японского языка”». Впервые также печатается статья «Откуда происходят основные понятия языкознания?», написанная в 2010 г. Остальные статьи ранее публиковались в журналах и сборниках.

Набор статей отражает основные области моих исследований за прошедшие годы. Эти исследования могут быть сведены к четырем направлениям: японистике, общему языкознанию, социолингвистике, истории науки о языке.

Первоначально моей основной специализацией в Институте востоковедения РАН, с которым связаны 44 года моей жизни (1968–2012), было японское языкознание, которому были посвящены две первые мои книги, обе диссертации и ряд статей. До 80-х гг. я больше всего занимался вопросами японской морфологии. Разработка этих вопросов требовала обращения к общей теории языка и типологии, которым был также посвящен ряд моих публикаций. В 80-е гг., особенно после командировки в Японию в 1984–1985 гг., я также начал заниматься вопросами общественного функционирования языка в этой стране, а затем и взаимоотношениями японского языка и японской культуры. Наряду с этим я со второй половины 80-х гг. начал заниматься и социолингвистическими проблемами других стран, прежде всего СССР и современной России, и сопоставительными исследованиями в этой области, что также отражено в сборнике. Наконец, еще со второй половины 70-х гг. я начал заниматься изучением японской лингвистической традиции в сопоставлении с европейской и историей отечественных исследований японского языка. Затем эта тематика постепенно расширялась, с одной стороны, в сторону охвата различных лингвистических традиций, с другой — в сторону изучения всей истории языкознания в разных странах, прежде всего в России и СССР. Однако ввиду ограниченности объема сборника в него включены лишь публикации, связанные с историей научных идей и направлений. Политическая история науки в нашей стране, отраженная в ряде книг и статей, здесь не получила

отражения: это особая тема. Поэтому статья «Исследователи фактов и создатели теорий» включена в сборник в сокращенном виде.

При разбросе тематике публикуемых статей, они (по крайней мере, большинство из них), как мне кажется, имеют некоторый общий стержень. Когда я начал работать в лингвистике, приоритетным считалось рассмотрение ее объекта, языка, с позиции извне. Исследовательские процедуры принципиально строились без учета того, как пользуется языком говорящий на нем человек. Долгое время принимая постулаты структурализма, я уже тогда заинтересовался вопросом, почему японская традиция выделяет звуки и слова не так, как это делают начиная с античности в Европе. На этот вопрос не мог ответить структурный подход. Мне понадобился сопоставительный анализ различных лингвистических традиций (в первую очередь, европейской и японской), а также национальных вариантов европейской традиции (прежде всего, русскоязычного и англоязычного). Этот анализ показывал и их сходство, обусловленное общими свойствами человеческого языка, и различия, связанные с разным строем базовых языков традиции; могли играть роль и культурные факторы. Столкнувшись с многочисленными и противоречивыми друг другу определениями слова и частей речи, я пришел к выводу, что эти два базовых понятия, всегда, но по-разному отражаемые в лингвистических традициях, являются не чисто лингвистическими, а психолингвистическими понятиями, отражающими строение языкового механизма человека. Активно развивающиеся в последнее время психолингвистические и нейролингвистические исследования, как мне кажется, это подтверждают. Важно принимать во внимание и социальные и культурные факторы, также требующие сопоставительного изучения. Еще одна тема, проходящая через ряд статей, — общие закономерности и этапы развития мировой науки о языке; показано, что современный этап характеризуется как раз стремлением к изучению функционирования языка, использования его человеком.

В сборник включены статьи разных лет, за это время точки зрения автора по тем или иным вопросам могли меняться. Ср., например, трактовку японских прилагательных в курсе лексикологии и в статье «Что такое прилагательное в японском языке?». В статьях 80–90-х гг. я исходил из того, что, как сказано в статье «О двух подходах к выделению единиц языка», психолингвистический механизм един для носителей любого языка. Сейчас же (см. статьи «Проблема слова и психолингвистика» и «Особенности русской лингвистики») я пришел к выводу о том, что морфологический его компонент не столь универсален. Иногда в разное время я предлагал разные подходы к одному и тому же явлению; так произошло, например, в статьях «Об уточнении понятий “флективный язык” и “агглютинативный язык”» и «Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции». К сожалению, включенные в сборник статьи в некоторых пунктах повторяют друг друга. Однако все публикуемые работы, кроме статьи «Исследователи фактов и создатели теорий», печатаются без содержательных изменений. Но произведена унификация транскрипций. В частности, в примерах из японского языка в разных публикациях использовались разные транскрипции,

---

в том числе русская транскрипция Е. Д. Поливанова и латинская фонематическая транскрипция С. А. Старостина. Однако в целях единообразия во всем тексте теперь избрана наиболее стандартная и принятая в разных странах латинская транскрипция Хэпбёрна. Она обладает существенными недостатками, которые обсуждаются в статье «Сасими или сашими?», но, по-видимому, в целях унификации иного выхода нет. Кроме того, содержащиеся в статьях ссылки на те или иные работы объединены в общую библиографию и введены перекрестные ссылки на статьи, публикуемые в данном издании. Статьи распределены по четырем разделам, в пределах каждого раздела они расположены в хронологическом порядке.

В. М. Алпатов

— ЯПОНИСТИКА —

КУРС ЛЕКЦИЙ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА»

Данное учебное пособие составлено на основе курса лекций, прочитанного в Дальневосточном государственном университете в 1975 г. Оно рассчитано на студентов-японистов, прошедших курс японского языка в объеме стандартного учебника. В пособии излагаются вопросы лексикологии японского языка. В то же время, поскольку для понимания этих вопросов необходимо иметь представление об общих проблемах лексикологии, которые недостаточно освещаются в курсе «Введение в языкознание», в пособии освещается и общелексикологическая проблематика. Вопросы лексикологии иллюстрируются в основном примерами из японского языка, однако для лучшего понимания ряда положений привлекаются и примеры из других языков, в первую очередь русского.

Задача данного курса — дать возможность студентам-японистам рассматривать японскую лексику в более широкой перспективе, связать вместе изучаемые факты языка, лучше уметь пользоваться словарями. В пособии также говорится об особенностях японского языка и его отличиях от русского и других языков.

В связи с ограниченным объемом пособия в нем не даются ссылки на литературу по общему и японскому языкознанию, материал которой в нем используется; наиболее важные книги и статьи включены в список рекомендуемой литературы. Наряду с опубликованной литературой, нами использованы материалы неопубликованного курса А. А. Пашковского по японской лексикологии, читавшегося в ИСАА при МГУ, а также кандидатские диссертации Т. И. Корчагиной и Е. В. Струговой.

§ 1. Предмет и задачи лексикологии

Предмет нашего курса — лексикология японского языка. Прежде чем заниматься ее конкретными вопросами, нам необходимо выяснить, что такое лексикология, какими вопросами и в каком аспекте она занимается.

Термин «лексикология» происходит от сочетания двух греческих слов: *лексис* ‘слово’ и *логос* ‘слово, учение’, то есть лексикология — учение о слове. Однако, как мы увидим дальше, не всё, относящееся к слову, изучается лексикологией: словом занимаются и другие разделы языкознания, прежде всего грамматика. Обычно

лексикологию определяют как раздел языкознания, изучающий словарный состав языка. Однако само понятие словарного состава, так же как и понятие слова, достаточно неопределенно. Для уточнения этих понятий и более точного выяснения того, чем занимается лексикология, необходимо кратко выяснить некоторые общие понятия языкознания.

Язык — это система знаков, обозначающих объективную действительность, служащая средством общения людей. С точки зрения своего строения язык — сложная система, состоящая из единиц разной протяженности: фонем, морфем, слов, предложений (в следующем параграфе мы более подробно остановимся на характере некоторых единиц языка). Каждая единица языка, за исключением элементарных единиц — фонем и сем (о семмах см. § 4), состоит из единиц низшего ранга, соединенных по определенным правилам, причем свойства языковой единицы — не простая сумма свойств единиц низшего ранга: каждая единица языка имеет свои специфические свойства. Единицы языка, начиная от морфемы (морфема и более протяженные), обладают двумя основными характеристиками. Первая из них — форма, т. е. строение языковой единицы из единиц низшего ранга. Вторая характеристика — значение, на ней мы должны остановиться подробнее.

Как мы уже говорили, одна из основных целей языка — передавать информацию о внеязыковой действительности. В различных единицах языка: морфемах, словах, предложениях и др. — содержится какая-то часть этой информации (как мы увидим далее, единицы языка могут передавать и другую информацию, но язык прежде всего существует для передачи информации о внеязыковой действительности). Несколько огрубляя реальное соотношение, можно сказать, что информация, содержащаяся в единице языка, и составляет значение этой единицы.

Отметим, что эта информация может передаваться по-разному. Когда мы говорим *А. С. Пушкин, автор «Евгения Онегина», основатель новой русской литературы*, мы имеем в виду одно и то же лицо, однако это лицо именуется по-разному. Это происходит потому, что в значении языковой единицы могут отражаться различные стороны объективной действительности. Как известно, любой предмет «имеет бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и “опосредствований” со всем остальным миром» [Ленин 1961: 289]. В значении языковой единицы, обозначающей предмет, свойство или отношение, не может быть отражена вся эта бесконечность сторон и взаимоотношений, в них могут отражаться лишь некоторые из них, причем в одном случае могут быть отражены одни стороны, а в другом — другие (ср. *автор «Евгения Онегина» и основатель новой русской литературы*), могут быть и единицы, прямо не отражающие каких-либо свойств предмета или явления, а лишь указывающие на него (ср. *А. С. Пушкин*).

Таким образом, мы имеем, во-первых, некоторый факт реальной действительности (предмет, явление), во-вторых, некоторую единицу языка, в-третьих, значение языковой единицы, т. е. некоторое представление о данном факте, содержащееся в данной единице.

Из этих трех величин первичен факт действительности, однако значение обладает определенной независимостью. Это видно из того, что в ряде случаев значение может существовать и тогда, когда факта действительности нет. В самом деле, мы в равной степени можем говорить об авторе «Евгения Онегина», лице, реально существовавшем, и о самом Евгении Онегине, которого на самом деле не было: мы можем говорить о мифологических и фантастических существах (Зевс, русалка, каппа), о гипотетических понятиях, нереальность которых доказана наукой (теплород, флогистон). Ясно, что вопрос о существовании и несуществовании того или иного предмета или явления решается не языкознанием, а другими науками; для лингвиста важно лишь то, что соответствующие им языковые единицы имеют некоторое значение, отношение языковой единицы и ее значения существенно не меняется, независимо от того, существует или нет обозначаемый факт в действительности.

Существуют и некоторые другие классы единиц, значение которых прямо не связано с фактами действительности. Некоторые единицы обозначают не сами эти факты, а отношение к ним говорящего, ср. русские *возможно*, *вероятно* или японские *tabun*, *osoraku*, где отражается степень реальности некоторого факта (обозначенного другими единицами языка) с точки зрения говорящего. Такой тип значения мы будем называть *модальным*. Наконец, значение некоторых единиц состоит в указании на отношение между самими единицами языка. Например, значение японской единицы *ga* состоит в указании на то, что некоторая единица, к которой примыкает *ga*, является подлежащим и имеет синтаксическую связь с другой единицей, являющейся сказуемым. Такого рода значения мы будем называть *синтаксическими*.

Значения единиц, которыми занимается лексикология, в первую очередь слова, часто сближают с понятиями. Действительно, понятие — мысль о предмете, свойстве или отношении, выделяющая в нем существенные признаки, оно имеет языковую форму; значение также выделяет в предмете, свойстве или отношении существенные признаки. Однако значение и понятие не следует отождествлять. Прежде всего, понятие, хотя и имеет языковую форму, едино, независимо от того, на каком языке оно сформулировано, значение же зависит от того, к какой языковой системе принадлежит данная единица (ср. русское *вода*, в значении которого не входит указание на температуру, и соответствующие японские *mizu* и *yu*, обозначающие соответственно холодную и горячую воду, подробнее см. об этом § 14). Кроме того, понятие о некотором предмете или явлении природы едино в данный момент времени (оно лишь может изменяться с развитием науки), тогда как значений, связанных с данным предметом или явлением, может быть много (см. выше). С другой стороны, при изменении понятия может не происходить изменения значения соответствующей языковой единицы: вряд ли значение слов *вода* или *mizu* изменилось после того, как носители данных языков узнали химическую формулу воды; значение может со временем стать противоречащим понятию: ср. *восход солнца* или *hi no de*, существующие в современных языках, хотя в понятиях отражено,

что движется не солнце, а Земля. В значениях отражена не строго научная, а «наивная» картина мира (ср. толкования слов в толковых и энциклопедических словарях, см. § 15). Ближе всего к понятиям находятся термины, недаром они, как правило, не имеют синонимов, и во многих науках наблюдается тенденция к созданию интернациональной терминологии.

Из всего сказанного ясно, что языкознание, в том числе лексикологию, прежде всего интересуют единицы языка и их значения; вопрос о связи значений и реальных предметов и явлений изучается другими науками, в частности вопрос о правильности терминологии какой-либо науки изучается данной наукой, а не языкознанием. Обращаться непосредственно к предметам действительности нам придется лишь в отдельных случаях: для определения границ синонимии, а также при изучении исторического развития слов.

Более детально изучая значения единиц языка, можно видеть их неоднородность, для примера возьмем японскую фразу *Untenshu ga jidoosha o ugokasu* 'Водитель двигает автомобиль'. Здесь можно выделить следующие значимые единицы: морфемы *un, ten, shu, ga, ji, doo, sha, o, ugok, as, u* (мы не имеем возможности здесь обосновывать именно такое членение на морфемы) и их последовательности: *unten, untenshu, untenshuga, jidoo, jidoosha, jidooshao, ugokas, ugokasu* (а также предложение в целом, которое мы не рассматриваем). Из них *unten, untenshu, untenshuga, jidoo, jidoosha, jidooshao, ugokasu* могут быть самостоятельными членами предложения, остальные единицы лишены этого свойства. Первые два члена предложения делятся прежде всего на две части: первая из них (*untenshu, jidoosha*) может употребляться самостоятельно и имеет более конкретное значение, связанное с передачей внеязыковой действительности, вторая часть (*ga, o*) не употребляется самостоятельно и имеет синтаксическое значение (см. выше). В последовательности *ugokasu* хотя ни одна из частей не употребляется самостоятельно, но по сходству значения и здесь можно выделить части *ugokas* и *u*, последняя часть имеет не только синтаксическое значение (здесь также присутствуют значения времени и модальности), однако синтаксический компонент значения здесь присутствует тоже (*u* указывает на позицию заключительного сказуемого или определения). Единицы, подобные *ga, o, u*, мы будем называть *реляционными*.

Последовательности *untenshu, jidoosha* можно в свою очередь разделить на две части, первая из которых (*unten, jidoo*) способна к самостоятельному употреблению и имеет более конкретное значение, вторая часть (*shu, sha*) не употребляется самостоятельно и имеет не синтаксическое, но достаточно абстрактное значение: присоединяясь к последовательностям со значением действия или признака, *shu* придает целому значение лица, производящего данное действие или обладающего данным признаком; *sha* обладает значением «нечто движущееся». Последовательность *ugokas* мы можем также разделить на две части: *ugok* и *as*. Хотя *ugok*, в отличие от *unten* или *jidoo*, и не может употребляться самостоятельно, можно видеть, что *ugok* относится к тому же классу единиц, что *unten* и *jidoo*, а *as* — к тому же классу, что *shu* и *sha*; значение *as* — указание на то, что некоторое действие (в данном случае

движение) совершает не лицо, обозначенное подлежащим, это лицо заставляет совершать действие другое лицо или предмет. Единицы, подобные *unten*, *jidoo*, *ugok*, а также их значимые части (*un*, *ten*, *ji*, *do*) мы будем называть корневыми, а единицы типа *shu*, *sha*, *as* — деривационными. Последовательности, состоящие из корневых и деривационных единиц, называется основами.

Корневые, деривационные и реляционные единицы, как уже сказано, различаются по значению. Однако это различие не абсолютно. Некоторые значения могут выражаться только лексическими элементами: таковы значения имен конкретных предметов типа «стол», «книга» или имен собственных; другие значения могут выражаться только реляционными элементами (синтаксические значения). Однако многие значения могут выражаться в разных языках и даже в одном и том же языке по-разному, ср. *домик* и *маленький дом*, где значение уменьшительности выражено по-разному: в первом случае деривационным, во втором случае корневым элементом, или яп. *hito* 'человек', где в корне выражено значение, аналогичное значению деривационных единиц типа *sha* или *shuu*; значение предположительности в японском языке может выражаться как корневыми элементами типа *tabun*, так и реляционными элементами в формах предположительного наклонения, в русском языке данное значение выражается только корнями слов типа *возможно*, *вероятно* и др. Поэтому разграничение корневых, деривационных и реляционных элементов часто связано с трудностями.

Данные классы единиц имеют и другие различия, на основе которых их можно разграничить более четко. Число корневых единиц каждого языка практически бесконечно, мы не можем их перечислить полностью (даже самые полные словари не включают в себя какие-то единицы). Число деривационных и реляционных единиц сравнительно невелико, мы их можем полностью перечислить. Реляционные единицы отличаются от остальных своей регулярностью: мы их можем присоединять к любой или почти любой основе определенного класса. Например, показатель *ga* и *o* мы можем присоединять к любому имени, а показатель *u* — почти к любой глагольной основе. Сочетаемость деривационных единиц более ограничена; мы можем сказать *ugokasu* 'заставить двигаться, двигать', *nomasu* 'заставить пить, поить', но в значении 'заставить читать' мы не можем употребить *yomasu*, а в значении 'заставить писать' — *kakasu* (для передачи этих значений мы должны сказать *yomaseru*, *kakaseru*, см. ниже). Для обозначения водителя мы можем сказать *untenshu*, *untensha*, но не *untenka*, в то же время 'капиталист' будет по-японски *shihonka*, а не *shihonshu* или *shihonsha*. С какими корнями сочетается какой деривационный элемент, мы не можем предсказать, исходя из значения этого элемента; какова эта сочетаемость, мы должны запоминать в каждом конкретном случае; то же относится к сочетаниям корней между собой.

Разберем еще один подкласс элементов. В значении 'двигать' можно сказать не только *ugokasu*, но и *ugokashimasu*, где имеется дополнительный элемент *imas*, значение которого — вежливость к собеседнику. Это *imas* не относится к элементам с синтаксическим значением: само по себе оно никак не указывает